

«Хуайцзян вышел с Кунцином на пару слов. Когда он вернулся в темницу, он обнаружил, что девушку кто-то убил.»

При написании слова "убил" возникла резкая пауза, словно железо внезапно упало на бумагу, так что постепенно появились чернильные пятна.

Му Яо широко раскрыла глаза, с беспокойством на сердце.

Эта пауза, казалось, израсходовала все силы писавшего письмо, и почерк стал вялым и слабым, как будто это был долгий вздох.

«Если и есть у всего предвестник упадка, то это стало началом упадка семьи Му.»

Суккубы были естественно рожденными демонами, мороз и снег сформировали их кости, трава и листья сформировали их кожу, горы и реки придали им грациозность, и от всего в мире они получили красоту, и все это создало их тела.

Поскольку небеса благоволили им так, они, естественно, также должны понести равное наказание.

Суккуб и обиженная банши, две души делили одно тело. Величайшее добро и величайшее зло, тьма и свет, были разделены как инь и ян, точно так же, как утро и вечер.

Красоте суккуба было суждено вернуться в мир, и она не могла принадлежать одному человеку, иначе баланс был бы нарушен и привел бы к великому злу. Суккубу, жаждущему мирских дел, было суждено сражаться с обиженной банши, которая появится позже, и будет бороться за контроль над телом, пока оно не будет полностью поглощено.

Недостатками естественнорожденных демонов иллюзии было то, что они не могли принимать человеческий облик; то же самое касалось и суккуба, их недостатком было то, что они могли принимать только человеческий облик.

Согласно текстам, с которыми ознакомился Кунцин, чтобы предотвратить распространение великого зла, это безупречное тело было последним барьером для контроля над обиженной банши, и оно было похоже на прекрасную клетку, в которой был заключен беспокойный, возбужденный, чрезвычайно злой дух обиженной банши.

Теперь, когда тело было уничтожено, что было равносильно разрушению последнего барьера, духу обиженной банши не о чем было беспокоиться. Хотя у нее не было демонической силы, она могла мобилизовать несправедливость и обиду в сердцах людей, пользуясь возможностью нырнуть в тело любого, очарованного ее словами.

Вместо того чтобы умереть, она выжила и больше не находилась под контролем людей.

Му Хуайцзян был в такой ярости, что не мог спать той ночью.

Обиженная банши ранее находилась под контролем бумажного талисмана. Ее душа была повреждена и нуждалась в восстановлении внутри хозяина, поэтому какое-то время она ничего не делала и не могла управлять своим носителем. Это также означало, что никто не знал точно, кто был одержим.

Но если они не позаботятся об этом и позволят ей полностью восстановиться, первое, что она сделает, — это устроит резню семье Му.

Итак, началось тайное расследование. Сначала в темнице были тайно заперты наиболее подозрительные немые женщины, охранявшие темницу, а затем несколько слуг, которых видели проходившими возле темницы в ту ночь. Когда слухи распространились по особняку, началась паника.

Обычно буйная Бай Йиронг же заболела и пролежала в постели до самого Нового года и не участвовала в этой суматохе.

Заперев десять человек, Му Хуайцзян решил отменить операцию.

Не то чтобы он не мог гарантировать, что обиженная девушка определенно была одной из десяти запертых, но он чувствовал, что так продолжаться не может, они наводят панику и делают только хуже.

Он подозвал к себе Бай Цзинь и облизнул пересохшие и потрескавшиеся от напряжения губы: «А'Цзинь, мы не убьем Му Шэна.»

Бай Цзинь подняла голову и безмолвно посмотрела на него, с небольшим количеством вины и негодования в глазах.

Семья Бай тщательно растила Бай Цзинь, уча ее обезглавливать и уничтожать бесчисленное количество демонов. Она уже давно была закалена, как железо. Ее нельзя было сравнивать с обычными хрупкими женщинами. Но она все еще не могла принять хладнокровность и безжалостность Му Хуайцзяна.

До этого он следовал плану даоса Кунцина: чтобы навсегда уничтожить обиженную банши, он хотел устроить так, чтобы Му Шэн высвободил половину своей демонической энергии и умер вместе со своей матерью. Так он убьет двух зайцев одним ударом.

Она решительно воспротивилась этому и, не колеблясь, устроила с ним большую ссору.

Она просто чувствовала, что Му Шэн еще ребенок. Раньше он был околдован обиженной банши и чуть не убил своего отца. Но теперь его заставляли убить свою мать, что было пренебрежением к человеческой порядочности — даже если в нем была кровь демона, он все равно оставался по крайней мере наполовину человеком.

Когда он послушно наклонился к ней на руки, она отчетливо почувствовала прикосновение его холодной щеки, кожа была нежной и мягкой, такой же, как у Му Яо, когда она была ребенком.

А Му Яо была еще молода, она не знала, что в так называемой справедливости этого мира все еще скрыто множество разногласий, которые могут понять только взрослые.

Боясь Му Хуайцзян, Му Яо следовала правилам, лишь осторожно спрашивая ее каждые несколько дней: «Мама, когда мой брат выйдет из темной комнаты?»

«Мама, почему брат никогда не плачет? Боюсь, он напуган в Зале Цветения Лотоса. Почему бы тебе не выпустить его?»

«Мама, брату уже семь лет, если он не начнет учиться, будет поздно, разве отец не собирается его выпустить?»

Чем чаще задавались эти вопросы, тем сложнее было Бай Цзинь искать отговорки. Сообразительная маленькая девочка была надеждой на возрождение семьи Му, в то время как

она и Му Хуайцзян уже давно стали затупевшими лезвиями.

«Что ты планируешь делать?» — спокойно спросила она.

«Я хочу, чтобы Му Шэн остался, не важно как, я хочу, чтобы он признал только тебя и меня своими родителями, а Яо'эр — своей сестрой.»

Бай Цзинь слегка улыбнулась.

Она понимала, что он имел в виду: сила обиженной банши все еще была в этом ребенке, и удержание Му Шэна в их руках было лучшим способом заставить обиженную банши подчиниться, и единственным их козырем против нее.

«Хорошо.» Она долго молчала, а затем кивнула с бледной улыбкой: «Через несколько дней я поеду домой и попрошу помощи у родителей.»

«Но ты должен пообещать мне, что с этого момента никому во всем доме больше не будет разрешено упоминать о происхождении Му Шэна, просто относись к нему как к обычному ребенку.»

Десять дней спустя Бай Цзинь вернулась из семьи Бай, держа в обеих руках коробку.

В коробке находился ледяной шелк лунной души, который семья Бай нашла на крайнем севере, сшитый в тонкую узкую полоску.

Расческа спустилась по черным блестящим волосам, расчесав их до самых кончиков. Тонкая рука взяла кончики его волос, обнажая уши.

Бай Цзинь стояла с ним лицом к лицу, глядя в его темные глаза в зеркале, ее тон был мягким, как у всех матерей в мире, расчесывающих волосы своих детей: «Чуть выше или немного ниже?»

«.....» Его пустые глаза медленно сфокусировались, его взгляд упал на ее лицо, сосредоточившись на ней. Его длинные, нежные ресницы задрожали, и он ответил ей очень тихим голосом: «Немного повыше.»

«Хорошо.»

Она прищурила глаза и улыбнулась, и в тот момент, когда кончики ее глаз опустились вниз, она увидела в зеркале тонкие морщинки в уголках глаз, похожие на гусиные лапки.

Неподалеку виднелось наивное и нежное лицо Му Яо.

Время пролетело так же быстро, как жизнь подёнки.

В этот момент любовь и ненависть, добро и зло, обиды между людьми и демонами были временно отложены, и расчесывание волос, казалось, стало делом ее жизни.

Она осторожно вынула из бархатной подкладки эту светящуюся ленту, словно вытаскивая из руин луч надежды. В тот момент, когда ее руки затянули ленту для волос, она наконец закашлялась и почувствовала мерзкий привкус крови в горле.

Му Шэн спокойно посмотрел на нежного и красивого мальчика в зеркале, волосы были зачесаны в высокий хвост, маленькая красивая белая лента для волос выглядывала из-за

макушки, как бабочка, с опущенными крыльями и покоящаяся на ней.

Спустя долгое время он с любопытством протянул руку и коснулся холодного зеркала.

Этот человек... оказывается я.

«Яо'эр.» Бай Цзинь взяла Му Яо за руку и подвела ее к стене: «Ты должна следить за своим братом и не позволять ему снимать повязку для волос.»

После того, как она дала клятву, Бай Цзинь наконец глубоко вздохнула и похлопала ее по тыльной стороне руки, что-то мелькнуло в ее глазах.

«Сегодня твой брат сможет выйти из этой темной комнаты.»

Она проигнорировала усталость и, наконец, дала беззаботный ответ.

.....

Письмо выскользнуло из руки Му Яо, Лю Фуи потянулся, чтобы поймать его, а также крепко схватила ее тонкие плечи.

Сцена, возникшая между ними, медленно исчезла, и в тот момент, когда Мяомяо встретила с ним взглядом, она поняла, что все плохо.

Увидев его взгляд... он также увидел содержимое этого фрагмента воспоминаний.

Они встретились взглядами, ресницы Мяомяо дрожали в панике, и она смотрела, как Му Шэн медленно встал с кровати и молча закрепил шторы.

Его трапециевидные мышцы спины были очень красивые. Со спины он все еще производил впечатление хрупкого подростка.

Руками он двигал чрезвычайно легко, но, может быть, они дрожали, поэтому и раздался звонок колокольчика на кровати.

Пока воспроизводился фрагмент воспоминаний, время, казалось, на мгновение остановилось, как будто они были втиснуты в другое время и пространство, и после того, как оно закончилось, за окном все еще было зимнее утро перед рассветом. Одежда уже давно остыла, и Линг Мяомяо походила на человека, которого бросили в лед и снег. Ее щеки были горячими от паники, но тело тряслось.

Он повернулся, чтобы посмотреть искоса на девушку, которая смотрела на него широко раскрытыми миндалевидными глазами, и спустя долгое время протянул руку и взял ее на руки.

Его тело также не было теплым, атлас его одежды был прохладным, а Линг Мяомяо неудержимо дрожала. Он на мгновение остановился, взял ее куртку, лежащую на деревянной скамейке у изголовья кровати, накинул ту на нее и еще раз заключил ее в свои объятия.

Рука юноши нежно гладила девушку по волосам, и лишь спустя долгое время он произнес: «Кто-то из другого мира.»

Это был легкий, определенный тон.

Словно молния ударила ей в голову, и мысленный сценарий, который только что подготовила Мяомя, был мгновенно и полностью забыт.

«Я.....»

В ужасе она попыталась скрыть выражение своего лица, но ее держали в объятиях и она не могла пошевелиться, прижавшись лбом к его груди, вдыхая аромат белой сливы.

Она вдруг о чем-то подумала и осторожно ощупала кожу над сердцем сквозь одежду.

Мягкая и теплая.

Это прошло.....

Затем она осознала это как запоздалую мысль.

Ключ, он должен был быть похож на ключ? Этот фрагмент воспоминаний предназначался не ей, это был просто предмет, позволяющий разблокировать заклинание забвения черного лотоса...

Но она не думала, что однажды тот факт, что она "не из этого мира", будет раскрыт Му Шэном.

В этой игре она уже давно превратилась из зрителя в игрока. Но теперь и игрок тоже был пойман.

Линг Мяомя облизнула губы и прекратила бороться: «Откуда ты узнал?»

Глаза подростка были темными, в уголках рта мелькала насмешливая улыбка. Его пальцы пробежались по ее волосам к ее шее, кончики пальцев потеряли вены, чувствуя ее беспокойный пульс: «Мяомя, в следующий раз будь умнее. Не позволяй кому-то выудить из тебя признание, я блефовал.»

«.....» Линг Мяомя сгорела от стыда.

«Я человек из другого мира, я не хочу скрывать это от тебя.» Она тяжело оперлась на его руки, все еще не в силах удержаться от вопроса: «Когда ты... стал подозревать меня?»

«"Девять глав математического искусства", теорема Пифагора.»

Му Шэн опустил глаза и выглядел равнодушным: «Подобно тому, как новые династии восстают из пепла старых династий, принцип тот же. Их называют по-другому, но в этом нет ничего особенного.»

Линг Мяомя вспомнила свои радостные успехи и глубоко вздохнула, чувствуя себя полной дурой.

Черный лотос действительно был слишком умен. Пока он так долго притворялся послушным, она почти забыла о его проницательности.

Однако... она вырвалась из его рук и спросила: «Если ты что-то подозревал, почему ты не спросил меня раньше?»

Некоторое время она смотрела на его лицо, не видя ничего похожего на разочарование или гнев.

«Ты собираешься уйти?» Его глаза были чистыми, отражая ее лицо, с небольшой частичкой разбитой надежды в них, смешанной с густым черным туманом, который поднимался внутри.

«Хм?» Она на мгновение замерла, не ожидая, что он перейдет прямо к этому вопросу. В ее словах прозвучал намек на раздражение: «Я не такая как ты, я не могу уйти.»

Тьма в его глазах медленно отступила, и его слова были необычайно нежны: «Хорошо. Ты можешь пойти куда угодно, только не оставляй меня.» Он коснулся лица девушки, опустил глаза, завязывая ее завязки, его голос был мягким: «Кто бы тебя ни увез, я хочу, чтобы от них даже целого трупа не осталось.»

«Если ты уйдешь сама, я.....»

Он остановился и посмотрел на нее, наклонив голову, словно взвешивая свои слова. Подумав, что ей, похоже, не нравится, когда с ней обращаются слишком грубо, он молча заменил "запру тебя внутри" на "не дам выйти из дома".

Линг Мяомяо не волновали его запугивания, поэтому она поспешно вмешалась: «Кто сказал тебе спрашивать об этом?»

Он замер, его глаза светились пустым взглядом.

Линг Мяомяо почувствовала некоторую тревогу за него и взяла на себя инициативу, напомнив ему: «Я не Линг Ю... Я... захватила это тело, ну, переродилась в это тело.....»

«Хм.» Он ответил.

Линг Мяомяо с тревогой посмотрела на него, словно держа в руке громоотвод, подняв руки высоко к темным облакам в небе, активно ожидая наказания.

Черный лотос обычно поначалу сдерживал гнев, редко показывая его, но если не дать ему выплеснуться, он легко впадет в ярость.

Но не прозвучало ни одного удара молнии, он опустил глаза, и они наполнились удивительным теплым цветом.

Он знал, чего боялась Мяомяо, но в этом мире люди и демоны сосуществовали друг с другом. В мире уже много лет царит хаос, и если его полудемоническое тело не отпугнуло ее, думает ли она, что ее захваченное тело может напугать его?

Миндалевидные глаза девушки были полны беспокойства и почти переполнены слезами. Он жадно взглянул на ее брови и подыграл ей: «Ты давно знала мою историю?»

Как будто в Линг Мяомяо успешно ударила молния, она села прямо и прочистила горло: «Извини, я не хотела скрывать это от тебя. С тех пор, как я приехала сюда, мне снились странные сны...» — она искажила правду, не изменив выражения лица. — «Я не думала, что это твое прошлое.»

И она свалила всю вину на систему: «Я ничего не понимаю; Я не знаю, что происходит.»

Она внимательно посмотрела на него, уткнув в пушистый воротник свое маленькое лицо, красное и полное, как сочный фрукт, и поджала розовые губы: «Ты не возражаешь.....»

Он подошел, поцеловал ее в губы и задержался на пленительных щеках, остановившись на

мгновение, прежде чем сказать: «Разве Мяомяо не просто Мяомяо?»

Не Линг Ю, а Линг Мяомяо, от начала до конца она была настоящей Мяомяо.

После этих слов в его сердце пронесся намек на скрытое удовлетворение.

Мяомяо, возможно, не помнила, как однажды она сказала Му Яо: «Разве Му Шэн не просто Му Шэн, какая разница, человек он или демон.»

Когда он ответил ей этими словами, он, наконец, почувствовал, что медленно приближается к этому пламени. Наконец он стал достойнее всех, способный крепко держать ее в своих объятиях и никогда не отпускать.

Неважно, кем она была, какие бы тайны у нее ни были, пока это была она, все остальное не имело значения.

Он погладил ее мягкую мочку уха, вдыхая знакомый аромат гардении ее тела: «Я действительно хочу, чтобы и другие люди знали.»

«...Что, почему?» Она обвила руками его шею, немного смущенная поцелуем.

В этом нет ничего великолепного.....

Его голос был мягким: «Лучше, если они все отступят, и никто не посмеет желать тебя.»

«.....» Линг Мяомяо сдерживала свои чувства, пока ее лицо не покраснело, она была настолько зла, что оттолкнула его в сторону и поднялась с кровати босиком: «Уйди с дороги, я покормлю птицу.»

Му Шэн протянул руку и взял девушку за талию, ловко меняя позы и укладывая ее спиной на мягкую кровать. Его черные глаза смотрели на нее, такие ясные, что в них оставался только теплый свет: «Я ее покормлю.»

Птичья клетка покачнулась, и блестящее желтое просо посыпалось вниз, как зыбучий песок, собираясь в гору зерна.

Маленькая птичка не думала, что действительно получит еду за свое незаконченное попрошайничество. Ее лапки ловко прыгнули к миске с едой, затем она подняла голову и увидела пару черных глаз.

«Чирик.....»

Удивительно, но сегодня очередь большого тигра кормить меня!

Тонкий пищевод внезапно выпячился, и птичка подавилась.

~~~~~

Автору есть что сказать:

Цзыци: Если я счастлив, я кормлю птицу, Если я несчастлив, я бью птицу.

Птица: Иди к черту!

<http://tl.rulate.ru/book/44922/3277923>